ИНТЕРВЬЮ «СМ»

С министром культуры СССР Николаем ГУБЕНКО беседует специальный корреспондент «СМ» Андрей МАЙДАНОВ.

Советская молодежь. — Рига. — 1990. — 17 янв.

АРБАТИАДА

* Два режиссера. Юрий Любимов и Николай Губенко.

МОСКОВСКИЙ АРБАТ. Часто называемый Старым, в отличие от заставленного коробчатыми офисами магазинного Калининского проспекта. Есть у Арбата только ему присущие литературно-музыкальные ассоциации — домик Пушкина цвета морской волны, пьеса Арбузова «Сказки Старого Арбата», ностальгические гитарные шансоны Окуджавы, политический бестселлер «Дети Арбата» Рыбакова. Реконструкция Арбата, выстелившая его каменной плиткой и утыкавшая двумя шеренгами больше модерновых, нежели похожих на ретро, фонарей, задумывала превратить его в культурную визитку столицы. Автоматически следует, что и державы.

И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, осколки арбатского калейдоскопа вмещают много. Очередь в четыреста человек за пятью сортами коньяка и натуральным лососем в гастрономе «Смоленский» (знаменитом валютном булгаковском Торгсине, который с очаровательной простотой грабили неразлучные Коровьев и кот Бегемот). И безногая нищенка-старушка у снова превращенного в элитный ресторан «Прага». Бородатый поэт, читающий с захлебывающимся надрывом под Вознесенского «Снимают Гдляна — горько мне!», двое парней с гитарным, хорошо исполняемым в старых традициях Пресли рок-н-роллом и скуповато заполняющейся шляпой, новый видео-шоу-бар «Зеленый крокодил» с последним триллером «Зарежь и беги!», убранные по всему протяжению улицы скамеечки, чтобы, как решили в Киевском райисполкоме, не устраивались на них «всякие».

Арбатских художников лета 1985-го, рисовавших каждый в своем ключе, интересно, разнообразно и профессионально, выжили и сменили арбатские подделочники с бесконечно тиражированным в разных ракурсах собором Василия Блаженного, одинокой сосной на скальном утесе или парусником в лубочном море. Вывески «открыто» и «закрыто» в основном на английском, как и энергичные призывы зазывал, оглушительно обращаемые к каждому, смахивающему на иностранца. Короче, на Старом Арбате есть все, потому что ходят по нему почти все.

Почти в его центре высится серый семиэтажный замок псевдоготики — угол Арбата и Калошина переулка. На первом этаже, обращенном на театр Вахтангова, закрытый на ремонт магазин «Самоцветы», все остальные занимает Министерство культуры СССР. Это и есть нужный мне адрес.

— Интервью? — уточнил помощник министра Александр Горшков. — Видите ли, на аналогичную просьбу получил отказ журналист «Собеседника» и даже бригада ЦТ.

Вы знаете, девушка из журнала «Родина» даже плакала, — рассказала помощник министра Валентина Водопьянова. — Но поймите, ситуация в следующем — он только-только входит в курс дела, просто невероятный объем работы. К тому же, как член правительства он постоянно на съезде. До конца февраля никого принимать не будет, потому что не сможет. На конец декабря в списке на прием уже 170 человек.

И все-таки согласие на встречу было получено. Что послужило тому залогом — многодневная настойчивость журналиста получить информацию из самых первых рук, корректное отношение и читательское знакомство помощников министра с газетой «Советская молодежь», и их отзыв о ней, как о популярном не только в Латвии издании, наконец, внимание Николая Губенко к собеседнику? Не будем взвешивать — и то, и другое, и третье вместе. (Тем не менее даже не нуждающиеся в подчеркивании своего авторитета «Московские новости» отметили, что к министру попасть не так-то легко.) Но, кстати, когда и где читателя интересовало, как журналист делает материал (это его трудности и его секреты), важен итог — что опубликовано в газете.

Вознесясь в лифте на седьмой этаж министерства — Арбат видишь только в окно — маленький, игрушечный, бесшумный, хотя и двигающийся, как немое кино. Длинная ковровая дорожка ломается на углу здания, после поворота снова машинально отсчитываешь шаги. Затем попадаешь в приемную желтого обойного шелка и пейзажей одного из основателей «Бубнового валета» Петра Кончаловского, ученика Поленова и Левитана — Станислава Жуковского и украинского передвижника Сергея Светославского. По левую руку застекленный книжный шкаф с подшивками «Театра», «Нового мира», журнала «Известий ЦК КПСС», подарочно поставленный диско-альбом симфонической музыки в исполнении оркестра под управлением Геннадия Рождественского.

— Знак внимания?

— Да, но это еще бывшего министра, Захарова, — пояснила помощник министра Валентина Водопьянова. — Можете взять посмотреть.

— Спасибо, Валентина Васильевна, но думаю, что не стоит. Ведь это уже прошлое.

В настоящее я попал из середины книжной стены, представляющей одну из четырех граней кабинета министра. В ней же утоплен телевизор «Сони». На противоположной, над слегка смещенным в сторону окна от центра письменным рабочим столом графический портрет лидера партии и государства. Обязательный столик с обязательным набором телефонов и помеченной гербом «кремлевкой», на торце длинного меча конференц-стола «дипломат» с отщелкнутыми замками — только что завершилась несколькочасовая встреча в ЦК с Медведевым. На столе, при обилии бумаг, аккуратистский порядок, изрядно достается деловым карандашам, которыми пользуются, а не коллекционируют в стаканчике.

Человек, поднявшийся мне навстречу из-за стола, — в официальном черном костюме, белой сорочке и темном галстуке, менее всего похож на ироничного гитариста на капустнике «Московских новостей», решающего дилемму «государство и человек» Бориса Годунова на сцене Таганки, придирчивого режиссера у операторской тележки. Он строг, предельно сконцентрирован и собран, потому что это интервью тоже часть его сегодняшней работы, которая продолжается до половины двенадцатого ночи. **Министр культуры СССР Николай ГУБЕНКО.** И только когда мы опускаемся в кресла по разные стороны стола, я вдруг вижу перед собой чрезвычайно измотанного и уставшего человека. Но это продолжается только мгновение.

— Николай Николаевич, редакция газеты «Советская молодежь» поздравляет вас с назначением на пост. Молодежи всегда свойственно учиться, но никто иной как та же современная молодежь требовательна и даже придирчива, предпочитая всякого рода наставникам-начетчикам и морализаторам — профессионала. Отсюда первый вопрос. Ваше согласие на пост — это вызов сложившейся за десятилетия практике назначения министров, первая ласточка перемен или же только редкое исключение, после которого все по-прежнему будет «глухо»?

— Сегодня, когда мы беседуем с вами, я нахожусь на этой должности только тридцать пятый день. Само слово «министр» мне не нравится.

— Вы имеете в виду свою неприязнь к должностной эквилибристике понятий «министр-начальник»? И случай, который приводили в качестве примера, когда начальника тюрьмы в Одессе поставили директором Театра оперы и балета в семидесятые годы?

— Отчасти так. Хотя оговорюсь, что не приемлю огульного отвержения всех так называемых аппаратчиков как таковых. Если это человек полезного дела, то он на своем месте. Другое дело, чтобы он был профессионалом истинным. Мое согласие на пост министра культуры СССР было результатом-следствием нескольких соображений. Во-первых, это моя попытка войти внутрь гигантского механизма и заставить его работать по-новому. Положить конец процессу бумаготворчества и бумагоделания и перевести все в русло конкретных дел. Во-вторых, если говорить о прецедентах, то это Раймонд Паулс в Латвии и Поллад Бюль-Бюль оглы в Азербайджане.

Бюль-Бюль оглы уже год в этой должности, и, когда я поинтересовался у него общим состоянием настроения, он откровенно ответил, что близок к отчаянию. Тридцать пять дней, разумеется, далеко не год, но скажу, что отчаяние овладевает мной каждый вечер. Но проходит ночь, и ранним утром ты просто говоришь себе: «А кто, если не ты? Давай, иди работай». И идешь, и работаешь, и выкладываешься полностью. У культуры должно быть право на права. В этом вижу мою цель. Что дальше? Во всяком случае, последователям место уже будет расчищено. Может быть, вспомнят. Но кто-то должен взять и начать. И если кто-то впоследствии скажет: «Они были первыми», хотя бы вспомнит мельком, это не так уж и мало.

— Мы много говорим об общих первопричинах многих социальных бед — «виновата сталинщина», «повинен застой», при этом часто не персонифицируя. Бывшие министры культуры СССР Фурцева, Демичев, Захаров пришли на этот пост из руководящих партийных кресел или даже кресла чина КГБ. Несут ли они конкретную ответственность за трагическое состояние культуры сегодня?

— Министр как человек один сделать ничего не может. Но от них прямо зависело обратить на бедственное положение культуры внимание Политбюро, всего ЦК. Ими это сделано не было. Единственные, кто били в колокол в те годы, были только отдельные журналисты. Что касается поднятой вами темы взаимоотношений культуры и КГБ, то могу привести пример успешного сотрудничества. Квартира Всеволода Мейерхольда была отдана в качестве жилплощади заслуженным в прошлом сотрудникам органов. Идея создания там музея знаменитого режиссера, народного артиста республики с 1923 года казалась похороненной безвозвратно. Однако после моего разговора с Владимиром Александровичем Крючковым чекистам была выделена другая жилплощадь. Так был сохранен маленький, но значительно-значимый островок нашей культуры.

— Мнение прибалтов об упразднении Министерства культуры СССР — дань моде, времени или национализму?

— Это был мой первый вопрос на состоявшемся несколько дней назад совещании министров культуры всех союзных республик: «Нужно ли нам министерство культуры СССР?». Министры Литвы и Эстонии ответили: «Пока нужно». Раймонда Паулса, равно как и кого-либо из представителей Латвии, на совещании не было. Как сообщила моему помощнику в ответ на телефонный запрос заместитель министра — в Риге сейчас заняты реорганизацией Республиканского комитета в более мелкие комитеты, — вопрос сложный, поэтому в Москву никто не приехал. На мой взгляд, дело не исключительно в названии — министерство культуры СССР или комитет, или как-то иначе. Но такой орган, координирующий взаимоотношения, взаимосвязи, взаимоконтакты национальных культур страны, безусловно необходим.

— Министр культуры и деятель искусства — нет ли здесь противоречия - противодействия? Будете ли и в дальнейшем продолжать играть?

— Что такое субботы — я за эти тридцать пять дней забыл начисто. А в воскресенье — театр, спектакли. Играть на сцене буду. Труднее только с выкраиванием времени на сон.

— Вы — украинец. Испытывали ли вы когда-либо в РСФСР или в других республиках страны, а также за рубежом какие-либо дискриминационные препятствия или трудности, связанные с вашей национальностью?

— Никогда. Были трудности и сложности, возникавшие в творческой деятельности, но отнюдь не на национальной почве.

— Когда Гитлер пришел к власти в Германии, то во всех возможных и невозможных бедах сразу же громко объявили виновными коммунистов и евреев и тотчас же началось их массовое истребление. Сейчас в качестве виновников также громко называют коммунистов и русских. Выброшен лозунг «Советское равно фашистское». История прокручивается по жуткой спирали?

— Ставить знак равенства между фашизмом и даже казарменным социализмом неверно, преступно и опасно. Безусловно, это приносит определенный политический капитал тем, кто спешит его нажить на подобных лозунгах. На деле это ведет от малой крови, которая уже пролилась, к большой. И угроза этого существует реально. Это может привести к гражданской войне. Я считаю, что память о ней в нашем народе еще очень свежа и отнюдь не сгладилась временем. А что такое нацизм, я знаю очень даже слишком хорошо. Мой отец ушел на фронт 23 июня 1941 года, когда мать была беременна мной, и погиб в 1942 году под Луганском. А моя мать так и не смогла вырваться из оккупированной немцами и румынами Одессы. Интересной внешности, хорошо владевшая немецким, она подвергалась постоянным гонениям и притеснениям со стороны фашистов. И не выдержав, вконец затравленная, наложила на себя руки — повесилась. Мне было тогда всего одиннадцать месяцев. Сведения о судьбе моих родителей я по крупицам собирал все эти годы. Постоянно. У меня нет до сих пор полной уверенности, что все произошло именно так. Но это все, что я знаю. Что мне с трудом удалось узнать.

Поэтому то, что происходит сейчас, — наша общая боль. Мы пытаемся найти виновников в других, вместо того, чтобы заглянуть в самих себя. Одна из моих первых ролей в кино, почти дебютная, была в фильме «Последний жулик», снимавшемся на Рижской киностудии в 1964 году. Очень хочу думать, что тогдашнее доброе отношение ко мне было нелицемерным.

— Сколько процентов от госбюджета страны расходуется на культуру?

— Один и две десятых процента.

— И как далеко наша культура сможет прошагать с такой нищенской сумой, ибо просумму говорить здесь просто не приходится?

— Без культуры нация деградирует. Причем все дальше. Что особенно бросается в глаза при достаточно стабильном развитии стран Запада.

— Мы констатировали. Но этого слишком мало. Где же практические выходы или хотя бы выход?

— Каждое министерство, ведомство, учреждение, организация должны в свои расходы ввести непременную статью на культуру.

— Ведомственная культура?

— Да. Причем обязательно, систематически выделяемые средства на культуру без перебоев и перерывов.

И у министерства обороны и у министерства коммунального хозяйства. И в каждом райсовете и в любом горсовете. Мы согласны на мраморной стене вестибюля нашего министерства установить золотые доски — пластины с маркой «ВАЗа», «КамАЗа», «АЗЛК» за их, разумеется, спонсорский счет, если часть своих доходов эти отечественные гиганты будут тратить на развитие культуры.

— Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев возлагает большие надежды на то, что от вашей практической деятельности выиграют не только актеры и режиссеры, но и архивисты, библиотекари, работники сотен городских и сельских клубов, без самоотверженной работы которых нынешнее трагическое положение культуры было бы просто кошмарным хаосом. Можно ли надеяться, что молодежи в библиотеках будут предлагаться не дидактические эрзац-трактаты по политологии на отменного качества бумаге, а действительно художественная литература?

— Знаете, как назвал своих коллег один библиотекарь, приславший отчаянное по горечи письмо в Министерство культуры? «Подранками от культуры». И тут же приводит информацию о том, что в их районе кооппирожок с мясом стоит 25 копеек.

— Если вспомнить о том, что библиотекарь получает ежемесячно между 90 и 70 рублями, чаще все-таки по минимуму, то это просто вопль о помощи.

— 27 декабря 1989 года Николай Иванович Рыжков подписал постановление о повышении зарплаты работникам культуры и искусства. Я рад как ребенок. Десятилетние усилия многих людей наконец увенчались успехом, сделан существенный шаг на пути к социальной справедливости, произошло счастливое совпадение слов и дел.

— Николай Николаевич, складывается впечатление, что многие наши деятели искусства дорвались до общения с Западом, как исступленные голодные. Когда-то мы прорубили в Европу окно, теперь открыли двери, что ознаменовало новизну прогресса. Творческие контакты отвергать бессмысленно. Только вот какой парадокс, уже переросший в закономерность, — отличные выставки картин, уникальные собрания икон, хорошо снятые фильмы, добротно поставленные спектакли путешествуют между Римом и Мехико с заездом в Лондон или, на худой конец, куда-нибудь в Цюрих или на отдельные тропические острова. А когда отечественные читатель, зритель, слушатель робко осведомляются, когда же мы, собственно, увидим свое же народное достояние, в ответ раздается менторское нравоучение: «Вы что, не знаете, что такое проданные авторские права? Контракт? Вот если вы выложите в конвертируемой, а мы найдем время подумать, то может быть, и продадим вам через год, три, пять, вообще никогда».

Между тем, когда Верещагина, очень щепетильного по части гонораров, спрашивали, почему он отдает свои картины Третьякову, ведь он платит каких-то две с половиной тысячи за полотно, художник отвечал: «Просто я хочу, чтобы мои картины остались в России». Передвижники перевозили свои картины по городам Волги, а не вдоль Онтарио. Может быть, части наших мастеров следовало бы быть (никак уже не скажешь — страдать) вместе со всеми невзгодами своего народа и приезжать в тот же Саратов и ту же Ивантеевку, потому что та же доярка тоже хочет быть зрителем и слушателем, а не только бессловесной батрачкой?

— Все так. Но обеспечить технически все то, о чем вы сказали сейчас, мы в состоянии только на 10 процентов...

...НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ в зале коллегий Министерства культуры, на которую был приглашен автор этих строк, журналисты задавали вопросы министру отнюдь не в щадящем режиме. Николай Губенко знакомил прессу с названным выше постановлением о повышении зарплаты работникам культуры, не отвлекаясь на другие темы.

Поразмышлять было о чем. Оклад народного артиста СССР планируется поднять до 500—600 рублей в месяц, народного артиста РСФСР — до 350—400, заслуженного деятеля искусств республики — до 300—350 рублей. Вилка же зарплаты библиотекаря от 110 до 190 рублей. С 1 января этого года музеи могут перейти на новые условия хозяйствования, а зарплата музейным работникам должна быть поднята на 38 процентов.

Но народных артистов СССР у нас немногим более 400 человек, а клубных работников — тысячи. Программа рассчитана не на немедленное исполнение, а на 1990—1993 годы. И только по региональному принципу. То есть сперва в очередь попадают одни регионы страны и только затем — другие. Отпущенные на нее средства отнюдь не ошеломляют. Первоначально испрашивалось 456 миллионов, но депутатам с трудом удалось выбить только 200 миллионов рублей. Это когда все мы узнали из телерепортажа официальной программы «Время», что на содержание автомобильного парка аппарата в нашей стране (черные и серые «хазановские» «Волги» плюс дредноуты «ЗИЛ-114») расходуется от 2 до 15 миллиардов рублей. Министр культуры признал, что принятые меры — это фактическая «подпитка» части населения на уровне, немногим выше официального уровня бедности.

НО ВОТ ЧТО ХАРАКТЕРНО. На этой пресс-конференции были только Нинель Шахова от ЦТ, два журналиста выходящего раз в два месяца журнала «Наше наследие», коллеги из специальных изданий. Республиканская печать страны была представлена только спецкором «СМ». Ни одной информационной, повсеместно распространяемой газеты из числа «популярных, массовых и перестроечных». А ведь речь о конкретном деловом, практическом шаге вперед в битве за духовность общества. И может быть, очень хочу в это верить, — переломном?

Даже когда семиэтажный замок министерства выключает свои глазницы на ночь, на седьмом его каменном небе горит окно. Актер Николай Губенко часто приезжает сюда после окончания спектаклей. Чтобы в кабинете министра продолжить работу. Так было и в этот предновогодний вечер. И не похож он на поигрывающего своей исполинской силой Святогора, который потехи-славы ради вздумал поднять руками всю землю (кольцо, кстати, ему кто-то услужливо приготовил заранее), да сам и ушел в нее. Просто входит умный, волевой и достаточно энергичный практик в глухой лес, через который когда-то из Вологды в Керчь пешком и голодным продирался в прямом и переносном смысле актер Аркадий Счастливцев, бережно неся в узелке тридцать переписанных от руки пьес. Пьесу Островский назвал, словно в колокол один только раз, но гулко ударил, — «Лес». Николаю Губенко предстоит не только вырубать, но и выкорчевывать, расчищать, вспахивать, бороновать. Сеять в чаще сразу невозможно. Арбатиада Николая Губенко продолжается.

Москва сверкуче играла предновогодним неоном. Я шел вместе с людским потоком по Арбату и настраивал мысли на праздничный лад. А в самом деле... Вот перед вахтанговским театром мне предложили лишний билетик (фантастика три года назад). Фильмы поснимали с полок. И аскольдовского «Комиссара», и «Июльский дождь» Марлена Хуциева. И смотришь, и думаешь — да ведь нет, на наш сегодняшний взгляд, в них ничего такого. Из-за чего «Июльский дождь» назидательно закинули на пресловутую полку? Эпизоды вроде того, когда операторская камера показывает несколько минут, как вызываемые мегафонным голосом «Машина такого-то посла — к подъезду!» черные лимузины мягко и плавно подкатывают к дорогим дверям. Последняя авторская ремарка в «Борисе Годунове», где играет Николай Губенко, — «Народ безмолвствует». Но ведь сейчас-то как раз наоборот, трещит лед, ломается, меняется.

Я миновал ресторан «Прага». И вдруг понял, почему нет привычного хвостика у входа. Он попросту не был здесь нужен.

— Машину суданского посла к подъезду! — объявил стадионно оповестивший голос. Черный лаковый «мерседес» с обшитым бахромой флажком и красным дипломатическим номером дернулся с места и нежно припал бортом к подъезду.

— Машина 12-09 — к подъезду! — более резко («свои») вызвал тот же голос.

Полуэскадрон черного лака у «Праги» уменьшился на восемь колес.

Нищенке у перехода между «Прагой» и кинотеатром «Художественный» я подал снова. Она мелко перекрестилась, не поднимая головы.

За те несколько часов, что я провел в министерстве, ее подаяние увеличилось всего на несколько монеток.

Арбат — Москва — Рига.